

ЭТИКА И/ИЛИ МОРАЛЕВЕДЕНИЕ?*

А. И. Бондаренко, В. Ю. Перов

Предлагаемая статья представляет попытку современной рефлексии по поводу дискуссии, развернувшейся более тридцати лет назад в журнале «Вопросы философии» (1982 г., № 2) и вызванной публикацией статьи Ефимова В. Т. «Этика и моралеведение. Polemические заметки». В ходе анализа было показано, что вопросы, связанные с возникновением и существованием прикладных этик, особенно в контексте их теоретического обоснования, соотношения с философией морали по-прежнему остаются актуальными. В статье показано, что, несмотря на специфику прикладных этик и их междисциплинарный характер, в их основе лежит именно философская этика.

Область прикладного этического знания стала активно формироваться в России еще в советское время. Это было обусловлено необходимостью эффективной регуляции нравственных отношений в разных сферах общественной жизни и идеологией, лежащей в основании того типа государственного устройства. Поскольку марксизм основывался на новоевропейском типе рациональности, постольку идеологическая доктрина полагала, что нравственность под влиянием идеологии должна формироваться целенаправленно, как масштабный социальный проект. Перед этикой встала задача не только исследования философских аспектов возникновения, формирования и функционирования морали, но и разработки прикладного знания, специфических методов воздействия на личность и общество, с помощью которых, наряду с изменениями в формах собственности, можно было бы трансформировать всю систему нравственных отношений. Новый тип этих отношений разрабатывался и расценивался как альтернативная модель нравственности, которая должна была конкурировать с буржуазной моралью, демонстрируя пре-

* Грант РНГФ 12-03-00505.

восходство своих возможностей в сфере саморегуляции поведения личности. Кроме всего прочего, существовавший тип государственного устройства нуждался в моральной легитимации своего существования. Поставленная задача не имела готовых решений в истории науки и социальной практике. Ее поэтапная реализация требовала разработки особой области знания – прикладной этики.

В 70-е годы прикладная этика становится постоянным предметом обсуждения на многочисленных научных семинарах и круглых столах. Это дискуссионное поле было организационно оформлено созданием Проблемного Совета по этике при Философском обществе СССР. Многие заседания Совета, круглые столы и конференции с участием этиков из разных городов страны и социалистических стран были тематическими и включали широкий спектр проблем развития прикладной этики и ее значения в общественной жизни. Трудно переоценить роль в этом процессе сектора этики Института философии Академии наук, кафедр этики ведущих университетов страны, тюменской и владимирской этических научных школ. В ходе дискуссий были поставлены многие важные теоретические и практические вопросы прикладного характера. Сегодня можно только сожалеть о том, что отсутствие в то время технических средств не позволило записать выступления дискутирующих сторон во всей полноте, но важно отметить, что суть их отразилась в авторских публикациях, университетских лекционных курсах по этике, статьях журнала «Вопросы философии». Обсуждалась специфика прикладной этики, ее предмет, понятийный аппарат, место и роль, как в структуре этики, так и в нравственной жизни страны.

Своеобразным катализатором полемики о специфике прикладной этики стала позиция Ефимова В. Т., изложенная в статье «Этика и моралеведение. Полемические заметки». Автор указывает на проблемы нравственности, стоящие перед обществом и невозможность решения этих проблем попытками «...»втиснуть» все многообразие проявлений нравственности в систему этических категорий, оперируя лишь ими для получения любых конкретно-теоретических знаний о нрав-

ственности»¹. Отсюда, по мнению автора, возникает необходимость пересмотра предмета этики, ее содержания с целью выделения особой прикладной области. В статье не подвергается сомнению тот факт, что этика – философия морали и область философского знания, но «это в лучшем случае способно служить предпосылкой для научно-этического исследования морали»².

Важно отметить, что позиция Ефимова В. Т. не была кардинально новой, что признавалось и им самим. Подобные идеи излагались и ранее, например, авторами болгаро-советского сборника «Предмет и система этики»: «Большинство же участников дискуссии высказывали свою приверженность традиционной позиции о необходимости сохранения этики в лоне философского знания. При этом, правда, предлагались и паллиативные решения: мол, у той и другой точки зрения есть свои преимущества, а потому из них должна быть “сконструирована” общая направленность этических исследований; или, признавая правомерным в принципе выделение этики в самостоятельную науку, объявлялось, что сейчас еще этика недостаточно для этого созрела; высказывались также соображения о необходимости подразделения этики на общую философскую теорию и нефилософские частно-этические научные дисциплины (история моральных форм, этическая этнография, этическая дидактика, управление нравственными процессами при социализме, профессиональная этика и т. д.). При этом справедливо обращалось внимание на растущую актуализацию исследований нефилософской проблематики, связанной с применением частно-научных знаний (антропологии, этнографии, социальной психологии, психологии личности и т. д.), указывалось, что, раскрывая специфику различных сторон проявления морали, они способствуют выявлению типичного в моральных отношениях (в социальной группе, семье, профессии), устанавливают

¹ Ефимов В. Т. Этика и моралеведение. Полемические заметки // Вопросы философии. 1982. № 2. С. 68.

² Там же.

эмпирические зависимости между моральными явлениями, причины девиантных действий и пути их устранения, помогают разработке эффективных методов социальной регуляции человеческой деятельности посредством использования моральных факторов...»³ В связи с этим Ефимов В. Т. употребляет термин «моралеведение»⁴, полагая, что «...в моралеведении должна быть сосредоточена вся система нефилософских знаний о морали, то есть знаний конкретно-теоретического характера, которое сможет стать действительной теорией морали – наукой, изучающей генезис, структуру, функции морали, закономерности развития нравственности, взаимодействие общественной и индивидуальной морали. Уже данный круг проблем нацеливает моралеведение на исследование многих комплексных, междисциплинарных вопросов, требующих совместных усилий специалистов различных отраслей обществоведения: экономистов, правоведов, искусствоведов, социологов и т. д. (особенно для изучения проблем функционирования общественной морали), а также представителей других сфер знаний о человеке: антропогенетиков, психологов, физиологов, медиков и т. д. (прежде всего в исследованиях вопросов функционирования индивидуальной морали)»⁵. С такого рода рассуждений по сути дела началось

³ Там же.

⁴ Следует отметить, что появление неологизма «моралеведение», с одной стороны, было авторской идеей, поскольку в указанной статье проводится аналогия с эстетикой как философской наукой и искусствоведением, с другой стороны, отражает терминологические споры в зарубежной этике. Начиная с 60-х годов XX века несколько названий «боролись» друг с другом: прикладная этика, практическая философия, практическая этика и ряд других. Считается, что «победа» прикладной этики (applied ethics) связана с выходом получившей широкую известность работы Сингера П. (Singer P. Applied Ethics. 1986). Но дискуссии не прекращаются до сих пор. В 1993 тот же Сингер П. публикует книгу под названием «Практическая этика» (Practical Ethics). «Практической этикой» (2003) назван и известный оксфордский учебник по современным этико-прикладным проблемам.

⁵ Ефимов В.Т. Этика и моралеведение. С. 69.

отечественное формирование самостоятельного научного блока прикладной этики как области междисциплинарного знания о нравственности. Следует отметить, что опубликованные в этом же номере статьи участников дискуссии, при всей благожелательности, достаточно скептически отнеслись к высказанным мыслям⁶. В предельно общем виде (несмотря на теоретическое разнообразие высказанных суждений) суть возражений сводилась не к отрицанию идеи формирования «моралеведения» («прикладной этики», если использовать современную терминологию), а к неприятию идеи об отделении «моралеведения» от философии (со всеми оговорками, присутствующими в тексте Ефимова В. Т., но которые не меняли существа дела). Именно вопрос о соотношении философской и «позитивной» этик оказались в центре внимания развернувшейся дискуссии. Не имея возможности подробно рассмотреть всю полноту представленной аргументации, которая заслуживает отдельного исследования, хотелось бы в качестве своеобразного «мысленного эксперимента» принять участие в данной дискуссии. Он представляется теоретически интересным, учитывая, что, во-первых, за прошедшее время право на существование прикладных этик («моралеведения») мало у кого вызывает сомнения, во-вторых, вопросы о соотношении философской и прикладных этик по-прежнему являются существенной частью этического дискурса⁷.

Говоря о современных тенденциях, существующих в этическом знании, с одной стороны, можно наблюдать посто-

⁶ См.: Дискуссия (по статье В. Т. Ефимова «Этика и моралеведение») // Вопросы философии. 1982. № 2 (статьи: *Архангельский Л. М.* «Этика или моралеведение?»; *Гусейнов А. А.* «Этика – наука о морали»; *Шердаков В. И.* «Этика и нормативность»; *Согомонов Ю. В.* «Этика и теория нравственного воспитания»; *Титаренко А. И.* «Предмет этики: основания обсуждения»).

⁷ В качестве примера можно привести журнал «Ведомости Прикладной этики» НИИ Прикладной этики Тюменского государственного нефтегазового университета (сорок два выпуска с 1995 года), содержание номеров которого можно объединить общим вопросом: «Что такое прикладная этика и каковы ее взаимоотношения с этикой философской?»

янное расширение сферы относительно самостоятельных по отношению к философской (теоретической) этике прикладных и профессиональных этик, вовлекая в свою сферу все большее число проблем, которые начинают трактоваться как этико-прикладные, с другой стороны, развитие этического знания, способ его современного существования, требует все большей «практичности» в том смысле, что этика (как философская и теоретическая дисциплина) должна не только исследовать собственный традиционный круг вопросов, что есть этика, мораль, нравственность, добро, зло, добродетель, порок, справедливость, честь, достоинство и т. д., но и давать ответы на возникающие сложные проблемы существования человека и общества, иными словами, отвечать на вопрос «как жить?»⁸. Иными словами: как с этической точки зрения следует правильно (должно) поступать в той или иной жизненной ситуации? Какие способы взаимоотношений между людьми являются нравственно правильными или неправильными (добродетельными или порочными)? Каковы критерии морального выбора в сложных личностных ситуациях или в отношении этически значимых социальных явлений? Если философская этика не пытается ответить на эти и подобные вопросы (или, по крайней мере, своими теоретическими построениями и рефлексиями не дает возможность делать самостоятельные выводы), то она теряет статус практической философии, которое закрепилось за ней начиная с Аристотеля, ее результаты оказываются минимально востребованными со стороны отдельных людей и общества. Потребность в этическом осмыслении практической жизни оказывается актуальной, поскольку динамизм социальных и, особенно, технологических изменений, характерных для современного общества, создает ситуацию, когда выработанные за историю человечества моральные нормы и ценности как основания морального выбора и способа решения моральных

⁸ Подобного рода тенденции схожим образом имеют место и в отношении научного знания вообще, когда даже от фундаментальных наук требуют ответа об их практической применимости.

проблем оказываются «недостаточными». Данное утверждение не означает, что все предшествующие представления о нравственности должны «быть сброшены с парохода современности», как призывали российские радикальные футуристы начала XX века. Проблема, как теоретическая, так и практическая, состоит в том, что многие возникающие проблемы не существовали в предшествующие исторические эпохи, а значит, и не имели своего этического осмысления. В качестве иллюстрации можно привести следующие примеры: клонирование, трансплантация органов, искусственное оплодотворение, нанотехнологии, ядерная энергетика, информационные технологии и т. д. – это все феномены современности, и для решения возникающих в связи с ними нравственных проблем требуется или переосмысление «традиционных» моральных представлений, или выработка новых моральных норм и ценностей, что оказывается в центре внимания существующих прикладных этик.

Возникновение относительно самостоятельных по отношению к философской (теоретической) этике прикладных этик в середине XX века имело своим источником не только социальные и технологические реалии, но и своеобразие ситуации, сложившейся в моральной философии. Доминирование в западной (широком смысле) философской этике методов логико-лингвистического анализа фактически привело к тому, что этика во многом оказалась «замкнутой сама на себя», во многом превратившись в «этику для этиков». Не вызывает сомнений, что указанная традиция во многом обогатила (и продолжает обогащать) этическое знание, но со временем существовавшие этические концепции в рамках метаэтики и аналитической этики в очень малой степени могли дать ответы на быстро меняющуюся социально-культурную ситуацию, на появление новых наукоемких технологий, на возникающие процессы и явления, бросающие вызов сложившимся устоям жизни человека и общества. Не реагировать на возникающие проблемы и не искать на них ответы было невозможно, поскольку в «расширительном смысле» любые этические ответы есть ответ на вопрос «как жить». Конечно, было бы неправильным утверждать, что представители метаэтики и аналитической этики отрицали необходимость «выхода» этико-теоретических рассуждений

в практику. Показательной в данном контексте может быть позиция Р. М. Хеара: «Дело в том, что когда нас просят насколько возможно полно оправдать какое-либо решение, мы должны изложить как его последствия, чтобы наполнить его содержанием, так и принципы, а также общие последствия соблюдения этих принципов, и так далее, пока спрашивающий не будет удовлетворен. Таким образом, полное оправдание решения включало бы в себя полный отчет о его последствиях, а также полный отчет о принципах, которых оно придерживалось, и о последствиях соблюдения этих принципов, поскольку, конечно же, именно последствия (в которых фактически выражается их соблюдение) наполняют содержанием и сами принципы. Следовательно, когда от нас настойчиво требуют полного оправдания того или иного решения, мы должны дать полное и подробное описание того образа жизни, частью которого оно является»⁹. Проблема в том, что чаще всего до практических следствий «дело не доходило» (по крайней мере, до второй половины XX века), поскольку все силы «уходили» на предварительный логико-лингвистический анализ, которым в большинстве случаев и ограничивались данные исследования.

В качестве реакции на такое состояние философских исследований моральных явлений возникает «особая» прикладная этика, которая в начале своего существования по сути дела воспроизводит в отношении этики лозунг первого позитивизма XIX века («каждая наука сама себе философия») – «каждая профессия сама себе этика». В результате возникает идея о том, что поскольку никакая метафизическая (философская) этика невозможна, а какие-то этические правила поведения, тем не менее, нужны (например, для устойчивости отношений между людьми), то следует ограничиться изучением и формулированием чисто регулятивных стандартов поведения, применимых в различных областях человеческой жизни¹⁰. И действительно, собственно прикладную этику

⁹ Цит. по: *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2006. С. 86–87.

¹⁰ См. выше идею *Ефимова В. Т.* о том, «... в моралеведении должна быть сосредоточена вся система **нефилософских** [выделено нами. – Л. Б., В. П.] знаний о морали».

как относительно самостоятельную область исследований и практик первоначально развивали представители соответствующих профессий и наук (биоэтику – биологи и медики, этику науки – ученые, этику права – юристы, этику бизнеса – предприниматели и т. д.) Возможно, именно поэтому до сих пор не прекращаются и остаются актуальными споры о том, кто должен заниматься прикладной этикой: профессионалы-практики в соответствующих областях и/или «философы этики»? При этом, особенно на ранних этапах ее развития, господствовала точка зрения, что моральные рассуждения, способы аргументации и принятия решений в области прикладных этик и соответствующие профессионально-прикладные этические практики основаны на своеобразных «моральных интуициях» обыденной нравственности и не требуют обращения к этико-философским концепциям. Подобного рода мировоззренческие установки также во многом есть «наследие» позитивистской метаэтической и аналитической традиций. Ее истоки находятся в знаменитой «гильотине Юма», которая, будучи осмысленной в этике XX века в виде тезиса о невозможности выведения ценностных и нормативных суждений из фактических, привела к идее об отказе от попыток построения нормативной этики (к которой можно отнести большую часть философских теорий морали) и требованию создавать исключительно позитивную (описательную) этику, которая ограничивается изучением и обобщением существующих моральных норм, ценностей и представлений.

В значительной степени эта идея повторила судьбу установки позитивизма об избавлении от всех философско-метафизических идей, т. е. обнаружилось, что обоснование норм и ценностей в рамках таким образом построенных прикладных этик если не невозможно, то, по крайней мере, очень затруднительно. Описательно ориентированные прикладные этики начиная с, казалось бы, очевидных и интуитивно понятных моральных представлений (добро, долг, ценность, справедливость и т. д.) наполняют их содержанием философских и теоретических построений этической науки. Исследователи в области морального мышления пришли к выводу о своеобразной зависимости уровней морального мышления. Пока-

зательна в этом отношении эволюция взглядов упомянутого выше Хеара Р. М., который пришел к выводу о многоуровневой структуре морального языка, причем нормативное моральное мышление, которое в его концепции выступает как один из уровней, в свою очередь подразделяется на *критический* и *интуитивный* уровни. Принципиальным оказывается то, что кажущиеся самоочевидными (*prima facie*) положения интуитивного уровня обыденного морального сознания не являются самостоятельными: «Этот уровень мышления [интуитивный. – Л. Б., В. П.] не может быть (как это обычно предполагают интуиционисты) основанным на самом себе; здесь необходим критический уровень мышления, при помощи которого мы отбираем *prima facie* принципы для использования на интуитивном уровне, разрешаем конфликты между ними и даем их системе в целом оправдание, которое интуиция сама по себе никогда не сможет предоставить»¹¹. И этот «критический» уровень, как форма рациональной рефлексии, находит свое максимальное выражение именно в теоретических концепциях философии морали. С другой стороны, тот вызов, который был брошен возникновением прикладных этик, привел к тому, что философия морали вынуждена в большей или меньшей степени переориентировать характер своих исследований, если не буквально формулировать, то подразумевать «выходы» в нравственно-практическую жизнь человека и общества, а также создавать теоретические предпосылки для обоснования решений актуальных моральных проблем.

¹¹ Hare R. M. Justice and Equality // Justice and Economic Distribution / ed. by John Arthur and William Shaw. Prentice-Hall, 1978. P. 116.